ВОЗДЕЙСТВИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ФАКТОРА НА ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ

(2002–2010 гг.)

И. А. ЛЕЩЕНЯ

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

В статье впервые рассматривается комплексное влияние регионального фактора на палестино-израильское урегулирование в 2002–2010 гг. как самостоятельное направление исследования.

С учетом развития ситуации на Ближнем Востоке изучается специфика воздействия на конфликт ключевых региональных игроков – арабской «тройки» в составе Саудовской Аравии, Египта и Иордании, а также Турции и Ирана.

Рассматриваемый период отмечен активной деятельностью участников «Ближневосточного квартета» по реализации дорожной карты урегулирования конфликта. Особый интерес в данном процессе представляет роль региональных государств и их деятельность на палестинском направлении. В статье дана оценка воздействия региональных сил на миротворческие усилия глобальных игроков. Исследованы особенности реализации их национальных интересов и продвижения локальных инициатив в контексте борьбы за лидерство на Ближнем Востоке.

Автор указывает на взаимодополняемый характер действий «квартета» и арабской «тройки». Обозначены внутренние и внешние причины активизации и радикализации палестинской политики Турции и Ирана.

В результате проведенного анализа определена роль арабских государств, Турции и Ирана в урегулировании конфликта. Выявлены противоположные векторы воздействия на конфликт со стороны арабских и неарабских государств. Обоснована невозможность достижения урегулирования без учета их не совпадающих интересов.

Сделан вывод о том, что возрастание влияния на конфликт неарабских игроков стало региональным проявлением тупиковой ситуации в мирном процессе, которая сложилась накануне «арабской весны».

Ключевые слова: палестино-израильский конфликт; региональный фактор; арабская «тройка»; арабская мирная инициатива; Саудовская Аравия; Турция; Иран.

Введение. Арабо-израильский конфликт долгое время считался центральным для Ближнего Востока как региональной подсистемы

международных отношений. Неудивительно, что палестинская проблема как сердцевина этого конфликта, воздействуя на ситуацию в регионе, продолжает оставаться объектом пристального внимания региональных игроков. На перспективы палестино-израильского урегулирования оказывали влияние и другие события на Ближнем Востоке, которые затрагивали интересы вовлеченных в этот процесс акторов.

Однако под таким углом зрения соотношение региональной динамики и палестино-израильского урегулирования в научной литературе не рассматривалось.

Как правило, изучалась и анализировалась обратная связь: влияние действий сторон конфликта и связанных с ними событий внутрипалестинской повестки дня на ситуацию в регионе и, в частности, на изменение баланса глобальных и региональных сил на Ближнем Востоке (Р. Хаас [1], А. М. Высоцкий [2], Г. Г. Косач [3]).

С учетом активных политических контактов и диалога высокого уровня данное исследование будет иметь практическое значение для развития отношений Республики Беларусь с ключевыми региональными игроками и понимания их подходов к конфликту и со сторонами конфликта.

Методы исследования. Объектом данной статьи выступает палестино-израильское урегулирование. Предметом – политика ключевых государств Ближнего Востока в отношении конфликта.

Работа с фактологическим материалом по воздействию на конфликт со стороны различных государств, выявление направлений такого воздействия и критериев их оценки потребовало применения методов анализа, сравнения, обобщения и синтеза. Влияние ключевых региональных игроков на палестино-израильское урегулирование в соответствии с избранными в качестве критериев для оценки такого влияния направлениями изучалось с использованием метода кейс-стади (*case study*). Исследован лишь один региональный аспект палестино-израильского урегулирования, а не непосредственно мирный процесс. При работе с мемуарами бывших руководителей внешнеполитических ведомств использовался метод контент-анализа.

Обзор литературы по теме. В исследованиях по рассматриваемой теме отражены различные ее аспекты.

При этом коллективные усилия арабского мира по палестино-израильскому урегулированию представлены научными публикациями-

ями исключительно об арабской мирной инициативе (АМИ) (Э. Подэ [4], С. Аувад [5], В. Салем [6], А. Бен-Меир [7], Г. Бахгят [8]), продвижение которой было наиболее заметным, но далеко не единственным направлением данной активности участников Лиги арабских государств (ЛАГ).

Информация о более широком спектре действий ключевых арабских стран по ближневосточному урегулированию содержится в мемуарах непосредственных участников тех событий: бывшего министра иностранных дел Иордании М. Муашера [9] и бывшего министра иностранных дел Египта А. Аль-Гейта [10]. Представляет интерес оценка взаимодействия ключевых арабских игроков с международными посредниками, которая дана бывшим госсекретарем США К. Райс [11].

Ряд научных статей посвящен тематике палестино-израильского конфликта во внешней политике каждой отдельно взятой региональной державы и их влиянию на урегулирование: Саудовской Аравии (Г. Бахгят [12; 13], М. Камрава [14], Г. Г. Косач [15]), Турции (М. Альтунисик, Э. Цухадар [16], Б. Арас [17], Э. Эртосун [18]), Ирана (Л. М. Кулагина, В. М. Ахмедов [19], А. В. Баранов [20], С. Валид [21]).

Попытка сравнения политики двух региональных держав – Турции и Ирана – по палестинскому вопросу [22] привела к логичному выводу о схожести подходов двух стран, которая стала проявляться с конца 2008 г. Данное утверждение основано на анализе реакции турецкой стороны на события, связанные с развитием конфликта. Однако без учета внутривосточной составляющей и амбиций региональных акторов оно представляется не до конца обоснованным.

В этой связи следует выделить авторов, исследования которых раскрывают внутривосточные и идеологические основы радикализации позиций Турции, – А. Банк, Р. Карадаг [23], Н. Ю. Ульченко [24], М. Ульгюль [25], а также политики Ирана в палестинском вопросе – В. И. Сажин [26].

Результаты исследования. Целью настоящего исследования является определение характера воздействия на палестино-израильское урегулирование регионального фактора, который рассматривается как результат политики ключевых государств Ближнего Востока и развития ситуации в регионе.

Нижней границей рассматриваемого периода определен 2002 г. Это обусловлено рядом событий, которые создали предпосылки для повышения активности региональных игроков по палестино-израильской проблематике.

Наследный принц Саудовской Аравии Абдалла выступил с предложениями по урегулированию арабо-израильского конфликта, которые в качестве арабской мирной инициативы были одобрены на саммите Лиги арабских государств в Бейруте. В Турции впервые к власти пришла Партия справедливости и развития (ПСР), неоосманские устремления которой предопределили перспективу повышения удельного веса региона во внешней политике страны. Появилась информация о возобновлении иранской ядерной программы. С одной стороны, это послужило предпосылкой последующего нагнетания напряженности вокруг этой темы. С другой – вызвало усиление влияния на арабо-израильский конфликт позиции Ирана и его стремлений к достижению лидерства в регионе Ближнего Востока.

События «арабской весны», изменившие региональную повестку дня и создавшие новые реалии, представляют собой естественную *верхнюю границу* рассматриваемого периода.

В палестино-израильском урегулировании большая часть нулевых годов прошла под знаком разработанной «квartetом» международных посредников (США, ЕС, Россия, ООН) дорожной карты как наиболее системной попытки разрешения конфликта. Соответственно, основную роль в мирном процессе играли глобальные игроки, прежде всего США [27]. В принципиальном плане данный документ был одобрен не только сторонами конфликта, но и ключевыми арабскими странами, Турцией.

В этой связи влияние регионального фактора на палестино-израильское урегулирование предлагается рассмотреть как воздействие ключевых государств Ближнего Востока:

на международных посредников, включая участие стран региона в разработке и реализации их инициатив;

на стороны конфликта, включая инициативы по урегулированию конфликта, которые были разработаны и продвигались самими региональными игроками.

Роль арабских государств в палестино-израильском урегулировании. Если проблема Иерусалима важна для всех мусульманских

стран, то такие имеющие региональное измерение вопросы палестино-израильского конфликта, как безопасность и проблема беженцев, затрагивают интересы преимущественно арабских государств.

Соответственно, позиция именно арабских государств представляет интерес как для сторон палестино-израильского конфликта, так и для международных посредников.

Долгое время единые подходы арабского мира по вопросам конфликта с Израилем определялись «тройкой» в составе Египта, Саудовской Аравии и Сирии.

Лидирующая роль США в «квартете» означала, что возможностями влиять на международных посредников и играть свою роль в дирижируемом ими мирном процессе могли обладать только стратегические союзники Вашингтона.

Чтобы быть востребованными, такие союзники должны были обладать ресурсами для определения общеарабской позиции и/или иметь возможность вести диалог с Израилем.

В этой связи закономерным стало выпадание из «тройки» никогда не относящейся к умеренным арабским государствам Сирии.

Сирийцы раздражали Вашингтон тесным сотрудничеством с Ираном, а позднее – попытками поддержки некоторых антиамериканских сил в Ираке [28, с. 189].

Место Сирии заняла Иордания, которая в течение длительного времени была вовлечена в развитие Западного берега реки Иордан и сохранила опеку над мусульманскими святынями Иерусалима.

Новая «тройка» (Саудовская Аравия, Египет, Иордания), которая стала играть ключевую роль в выработке общеарабских подходов к мирному процессу, де-факто сформировалась к 2002 г.

Этому во многом способствовало решение Саудовской Аравии активизировать свое участие в нем, что соответствовало возрастанию значимости королевства для США: «если что-то одобрит наследный принц, то это определено будет “работать” с египтянами и иорданцами, которые уже имеют дипломатические отношения с израильянами» [11, с. 217].

Взаимодействие «арабской тройки» с США. Перед Соединенными Штатами Америки ставился вопрос о плане поэтапного урегулирования с четкими параметрами и созданием палестинского государства в качестве конечной цели.

В контактах с представителями Вашингтона достаточно грамотно использовались американские *idee fixe*: сосредоточенность на проведении палестинских политических реформ; чувствительность к проблемам израильтян в области безопасности, в частности, к терактам с использованием смертников.

Американцев информировали, что решение этих задач будет возможно только в увязке с предоставлением палестинцам четкого видения последующего развития событий и надежды на политическое урегулирование [9].

В итоге арабам удалось способствовать разработке и обнародованию Дж. Бушем-мл. своего видения урегулирования в известной речи 24 июня 2002 г., а также решению о разработке дорожной карты.

В июле 2002 г. в ходе встречи Дж. Буша-мл. с руководителями внешнеполитических ведомств Саудовской Аравии, Египта и Иордании министр иностранных дел Иордании М. Муашер предложил президенту США подготовить для реализации положений, изложенных в его выступлении 24 июня 2002 г., план, который содержал бы конкретные сроки выполнения сторонами конфликта своих обязательств [11, с. 147].

Термин «дорожная карта» применительно к поэтапному плану урегулирования с четкими критериями выполнения каждого из этапов впервые упомянули также иорданцы [9, с. 137].

Показательным примером усилий арабских стран по возвращению мирного процесса в рамки, определенные дорожной картой, стала попытка Аммана снизить значимость положений, закрепленных обменом письмами Дж. Буша-мл. и А. Шарона от 14 апреля 2004 г.

Тогда президент США фактически одобрил израильское или близкое к израильскому понимание решения вопросов беженцев, границ и поселений. Месяц спустя подобным обменом письмами иорданскому монарху удалось получить уверения Дж. Буша-мл. в том, что США не будут предвосхищать результат переговоров по окончательному статусу [9].

Будучи уверенными, что «дорога к общим целям с арабами шла через Иерусалим» [11, с. 510], США учитывали озабоченность арабских государств палестино-израильским противостоянием и предпринимали определенные действия в этом направлении с целью заручиться их поддержкой:

объявленной после событий 11 сентября 2001 г. кампании по борьбе с терроризмом;
преимущественно шиитских правительств послесаддамовского Ирака и сплочения иракцев;
в противостоянии Ирану и его ядерным амбициям.

Воздействие арабских стран на стороны конфликта. Арабская мирная инициатива. В части влияния «арабской тройки» на Израиль речь шла скорее о возможности дублирующего канала связи для донесения позиций конфликтующих сторон друг другу посредством Египта и Иордании.

Влияние ключевых арабских государств региона на палестинскую сторону конфликта реализовывалось через постоянные консультации, а также возможность поддерживать позиции Организации освобождения Палестины (ООП) и Палестинской национальной администрации (ПНА) в контактах с США и Израилем. Согласование подходов по каждой ситуации в мирном процессе с ЛАГ всегда служило важным аргументом палестинцев при отстаивании своих переговорных позиций. К числу инструментов воздействия следует отнести предоставление финансовой помощи.

Наиболее важным результатом усилий арабских государств по урегулированию конфликта стала АМИ, одобренная решением саммита ЛАГ в Бейруте 28 марта 2002 г.

Значимость этого документа состояла в том, что в нем впервые учитывались и интересы Израиля. Вносилось коллективное предложение о завершении конфликта. Израилю предоставлялись гарантии безопасности. Арабские страны обязывались заключить с ним коллективный мирный договор и установить нормальные отношения после ухода с оккупированных территорий к линии разграничения по состоянию на 4 июня 1967 г. Указывалось на необходимость согласованного решения проблемы палестинских беженцев, несмотря на неприемлемую для израильской стороны привязку такого решения к резолюции 194 СБ ООН¹.

Хронологически АМИ была обнародована и принята раньше, чем Дж. Буш-мл. сформулировал видение урегулирования палестино-

¹ 27/03/2002 عمق وريبتت لودلا يبرعل ا فمق (Саммит в Бейруте. 27/03/2002) // Лига арабских государств [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.lasportal.org/ar/summits/Documents/%D8%A7%D9%84%D9%82%D8%B1%D8%A7%D8%B1%D8%A7%D8%AA%2014.pdf> (дата обращения : 10.08.2018).

израильского конфликта, которое стало основой для разработки дорожной карты.

В этой связи на начальном этапе продвижения инициативы основные усилия арабских государств, прежде всего Саудовской Аравии, были сконцентрированы на получении ее одобрения как документа, подлежащего реализации, со стороны США [4]. Такое одобрение стало бы ключом к серьезному восприятию АМИ Израилем.

Палестинцы проголосовали за инициативу на саммите. Однако сразу же выяснилось, что для полноценного признания документа палестинским участникам конфликта согласия руководства ООП и ПНА недостаточно. Оппозиция со стороны радикальных палестинских группировок оказалась очень действенной. Приуроченный к саммиту в Бейруте резонансный теракт в отеле «Парк» в Нетании 27 марта 2002 г. создал крайне неудачный фон для восприятия АМИ в Израиле².

Следующим направлением продвижения АМИ стала ее инкорпорация в дорожную карту. В преамбуле данного плана она упомянута в перечне документов и договоренностей, которые рассматриваются в качестве основы для достижения палестино-израильского урегулирования. АМИ созвучна заключительным положениям третьего этапа дорожной карты, в соответствии с которым завершение конфликта должно быть подкреплено «достижением всеобъемлющего арабо-израильского мира»³.

Требование исключить ссылку на «саудовскую инициативу и арабскую инициативу, принятую в Бейруте» вошло в число оговорок, которыми Израиль обусловил принятие дорожной карты⁴.

Подготовка к перезапуску АМИ проходила уже в принципиально иных условиях. Израильтяне покинули Сектор Газа. ХАМАС по-

² Response of FM Peres to the decisions of the Arab Summit in Beirut. March 28, 2002. // Israeli Ministry of Foreign Affairs [Electronic resource]. – URL : <http://www.mfa.gov.il/mfa/pressroom/2002/pages/response%20of%20fm%20peres%20to%20the%20decisions%20of%20the%20arab.aspx> (дата обращения : 11.08.2018).

³ «Дорожная карта» продвижения к постоянному урегулированию палестино-израильского конфликта в соответствии с принципом сосуществования двух государств на основе оценки выполнения сторонами своих обязательств // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/road_map.shtml (дата обращения : 09.07.2016).

⁴ Israel's Response to the Roadmap // Israeli Ministry of Foreign Affairs [Electronic resource]. – URL : <http://mfa.gov.il/ForeignPolicy/Peace/MFADocuments/Pages/Israel%20Response%20to%20the%20Roadmap%2025-May-2003.aspx> (дата обращения : 25.06.2013).

бедил на палестинских парламентских выборах и сформировал правительство. Результаты спровоцированной Хизбаллой Второй ливанской войны заставили Израиль по-новому взглянуть на суннитские монархии Аравийского полуострова. Умеренные арабские страны становились более интересными партнерами в палестинском урегулировании с учетом подразумеваемого альянса с ними в ответ на возрастающее иранское влияние в регионе [4, с. 592]. Американцы инициировали новый палестино-израильский переговорный процесс.

Вооруженные столкновения между боевиками ФАТХ и ХАМАС становились обыденным явлением. В этой связи благоприятный фон был создан формированием палестинцами правительства национального единства на основе подписанных в феврале 2007 г. в Мекке соглашений. Зафиксированное в программе нового правительства отношение к мирному процессу еще не соответствовало адресованным ХАМАС принципам «квартета» (отказ от насилия, признание Израиля, принятие всех предшествующих соглашений и обязательств, включая дорожную карту), однако было несомненным шагом в данном направлении [29].

АМИ была повторно выдвинута на саммите ЛАГ в Эр-Рияде 28 марта 2007 г. В новых условиях инициатива вызвала более позитивный отклик в Израиле, нежели решение, принятое ранее в Бейруте. Было отмечено, что «умеренные арабские государства могут выполнить позитивную роль, поддерживая израильско-палестинский трек»⁵.

В Израиле обсуждение АМИ вышло за рамки политической элиты. Инициатива получила определенную поддержку в обществе и стала фактором влияния на формирование подходов населения к конфликту. Уже в 2011 г. в условиях новых региональных реалий в качестве ответа общественной организации была сформулирована израильская мирная инициатива⁶.

Накануне перезапуска АМИ две трети еврейского населения Израиля уже слышало о ней. После информирования об основных пунк-

⁵ Israeli statement on the Arab Summit in Riyadh. 29 Mar 2007. // Israeli Ministry of Foreign Affairs. [Electronic resource]. – URL : <http://www.mfa.gov.il/mfa/pressroom/2007/pages/israeli%20statement%20on%20arab%20summit%20in%20riyadh%2029-mar-2007.aspx> (дата обращения : 25.06.2016).

⁶ The Israeli Peace Initiative (IPI) // The Middle East Policy Council [Electronic resource]. – URL : <http://www.mepc.org/commentary/israeli-peace-initiative-ipi> (дата обращения : 15.07.2017).

тах плана 46 % опрошенных сочли, что инициатива могла бы быть основой для переговоров о всеобъемлющем мире⁷.

Для разъяснения инициативы Израиль посетили министры иностранных дел Египта и Иордании. Однако полноценный ответ на АМИ в период правительства Э. Ольмерта так и не был дан. По крайней мере, до этапа анализа итогов «арабской весны» арабская мирная инициатива не была предметом внимания Б. Нетаньяху как руководителя 32-го правительства Израиля.

В этих условиях в решениях саммитов ЛАГ в Дохе в 2009 г.⁸ и в Сирте в 2010 г.⁹ в части АМИ содержались ультимативные нотки, подразумевающие возможность ее отзыва: «арабская мирная инициатива, предложенная сегодня, не будет оставаться на столе долго».

Умеренные арабские страны были последовательны в содействии миротворческим усилиям США. Однако срыв в сентябре 2010 г. едва начавшихся прямых палестино-израильских переговоров означал и спад соответствующей активности «арабской тройки».

Роль неарабских государств в палестино-израильском урегулировании. Вторжение США в Ирак в 2003 г. привело не только к свержению С. Хусейна, но и к отстранению от власти в этой стране суннитов. Из суннитского противовеса Ирану страна превратилась в его шиитского союзника.

В турецкой научной литературе трансформация регионального политического ландшафта по итогам войны в Ираке называлась в качестве одного из стимулов активизации Анкары в урегулировании. Сохранявшаяся значимость палестинской проблемы для региональной повестки дня означала, что возможность влиять на конфликт становилась важным компонентом заявки на роль регионального лидера.

Декларировалась необходимость принятия Турцией на себя миссии по противостоянию возраставшему влиянию Ирана на фоне обо-

⁷ The Peace Index: March 2007 // The Israel Democracy Institute [Electronic resource]. – URL : <http://www.peaceindex.org/indexMonthEng.aspx?num=4&monthname=March> (дата обращения : 15.04.2016).

⁸ 01/03/2009 جامعة الدول العربية قمة قطر (Саммит в Катаре. 01/03/2009) // Лига арабских государств [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.lasportal.org/ar/summits/Documents/21%D9%82%D8%B1%D8%A7%D8%B1%D8%A7%D8%AA.pdf> (дата обращения : 10.08.2018).

⁹ 09/10/2010 قمة اج لودل ايبرعلا تمق تييري هامجل اى مظعلا تريس (Саммит в Великой Джамахирии. 09/10/2010) // Лига арабских государств [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.lasportal.org/ar/summits/Documents/22%D9%82%D8%B1%D8%A7%D8%B1%D8%A7%D8%AA%20%D8%A7%D9%84%D9%82%D9%85%D8%A9.pdf> (дата обращения : 10.08.2018).

стрения межарабских противоречий и упадка традиционных арабских суннитских лидеров, в частности Египта [16, с. 373–374].

На деле реализация этого постулата проявилась в попытках занять место умеренных арабских режимов в качестве основных региональных посредников и Ирана как основного претендента на роль кумира «арабской улицы».

Как стратегический партнер Израиля по состоянию на начало изучаемого периода мусульманская Турция располагала необходимыми предпосылками для того, чтобы попытаться стать посредником между израильтянами и палестинцами. Активизация ближневосточной политики страны с формированием в ноябре 2002 г. первого правительства ПСР поставила в повестку дня вопрос об использовании такой возможности [16]. Тогда же наметилась тенденция сочетания предложений о посредничестве с резкой критикой Израиля при обострении конфликта и проведении израильтянами силовых операций [30].

Отказ премьер-министра А. Шарона воспользоваться турецким посредничеством при размежевании с Газой вызвал попытки турок найти свою роль в содействии экономическому развитию Сектора [17].

Соответствующие проекты так и не были реализованы в условиях победы ХАМАС на палестинских парламентских выборах. Однако это событие было расценено в Анкаре как возможность появления нового направления для вовлеченности в палестино-израильское урегулирование. Турция сразу же проявила готовность стать посредником между Израилем и ХАМАС [22].

В этом контексте логичным стал прием в Анкаре в феврале 2006 г. делегации ХАМАС во главе с председателем политбюро этой организации Х. Машалем.

Таким образом, Турция одной из первых вступила в своего рода битву за ХАМАС: из Анкары Х. Машаль направился в Тегеран. Ключ к палестино-израильскому урегулированию находился в руках того, чье влияние было достаточным, чтобы побудить ХАМАС принимать или не принимать принципы «квартета».

В результате Турция приобрела статуса государства, находящегося по вопросам урегулирования в диалоге как с США и Израилем, так и с конфликтующими друг с другом палестинскими сторонами.

(Кроме Турции, таким преимуществом тогда могли похвастаться только Россия и Египет.) Однако ненадолго.

Подкрепленные резкой антиизраильской риторикой во время проведения в Газе в декабре 2008 г. – январе 2009 г. операции «Литой свинец», перепалкой Р. Эрдогана и Переса в Давосе и последовавшим в мае 2010 г. инцидентом с «Мави Мармара», отношения с ХАМАС к концу изучаемого периода остались единственным активом из числа приобретенных Анкарой как потенциальным миротворцем.

Н. Ю. Ульченко [24] и М. Ульгуль [25] доказали, что, помимо непосредственной реакции на события, связанные с ситуацией в Газе, радикализация политики Турции в отношении палестино-израильского конфликта согласовывалась с реализацией задачи обеспечения лидерства в регионе.

К 2009 г. для этого сложились максимально благоприятные внутри- и внешнеполитические условия.

Не случайно период с 2009 по 2013 г. был обозначен М. Ульгулем как «золотые годы турецкой внешней политики» с точки зрения минимальных сдержек как в национальном, так и международном плане.

На внутривластной арене ПСР удалось существенно ослабить влияние армии на правительство. Замораживание процесса вступления в ЕС снизило интерес общественности к европейскому вектору [25]. Динамичное развитие экономики диктовало необходимость региональной экспансии турецкого капитала [16].

Администрация Б. Обамы сделала ставку на Анкару в усилиях по улучшению имиджа США в регионе и нуждалась в Турции.

Плачевные результаты вмешательства в дела региона Дж. Буш-мл. не только нанесли ощутимый урон восприятию США на Ближнем и Среднем Востоке, но и рикошетом отразились на политических акциях «арабской тройки», на поддержку участников которой традиционно опирались американцы.

Завершилась «эпоха практической значимости дорожной карты как плана урегулирования» [27, с. 175]. Укрепилось влияние так называемой оси сопротивления: Иран, Сирия, Хизбалла, ХАМАС [23], к которой бывший министр иностранных дел Египта А. Аль-Гейт добавлял еще и Катар [10, с. 371]. На этом фоне, чтобы стать лидером, нужно было находиться в конфронтации с Израилем [25].

После декабря 2008 г. реальной сферой посреднических усилий стали вопросы регулирования конфликта между ХАМАС и Израилем. Израильская операция «Литой свинец» в Секторе вызвала практически одновременное появление в январе 2009 г. египетско-французской [10], турецкой [17] и иранской [20] инициатив.

В этом конкурсе инициатив очевидное преимущество было на стороне египтян, от которых зависела эффективность противодействия контрабанде оружия в Газу.

Проявляя осторожность [10] и убеждая Каир, что намерены лишь дополнять прилагаемые усилия [16, с. 383], турки не смогли потеснить египтян в качестве основного переговорщика с ХАМАС¹⁰.

Иранцам пришлось довольствоваться изложением своих «14 пунктов» в рамках Организации Исламская конференция (ныне – Организация исламского сотрудничества) и на обсуждении ситуации в Газе в Дохе 16 января 2009 г. [20].

Более успешно решались задачи по вытеснению Ирана из числа кумиров «арабской улицы».

В соответствии с опросами общественного мнения в 2010 г. премьер-министр Турции Р. Эрдоган с 20 % голосов (2008 г. – 0 %) возглавил список наиболее популярных в арабском мире лидеров, оставив на третьем месте с 12 % поддержки президента Ирана М. Ахмадинежада (2008 г. – 17 %) и оттеснив с 9 % на четвертое место лидера Хизбаллы Насраллу, который был победителем опросов 2008 г. (27 %)¹¹.

На популярность Анкары работала острая критика Израиля по итогам операции «Литой свинец» и инцидента с судном «Мави Мармара». Шаги, предпринятые Турцией после этого инцидента, были расценены и как вызов арабским правительствам [31].

Борьба Турции и Ирана за популярность среди арабской общественности показательна как косвенное признание возможности именно арабских игроков реально содействовать урегулированию и как понимание того, насколько опасаются «улицы» в столицах.

¹⁰ Turkey and the Middle East: Ambitions and Constraints // Crisis Group Europe Report N°203, 7 April 2010 [Electronic resource]. – URL : <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/203-turkey-and-the-middle-east-ambitions-and-constraints.pdf> (дата обращения : 01.08.2018).

¹¹ The 2010 Arab Public Opinion Polls by Telhami and Zogby International // The Brookings Institution [Electronic resource]. – URL : http://www.brookings.edu/~media/Files/rc/reports/2010/08_arab_opinion_poll_telhami/08_arab_opinion_poll_telhami.pdf (дата обращения : 25.07.2018).

В арабском мире публичное осуждение Израиля стало санкционированным выходом протестной энергии масс. Радикалы стали их кумирами. Власти были вынуждены соизмерять свои позиции с развитием конфликта так, чтобы эти протесты не приобрели внутривнутриполитическую составляющую.

В частности, К. Райс отмечала стремление арабских лидеров избежать публичной поддержки позиции и действий «квартета» в отношении ХАМАС [11, с. 420, 431]. Указывала, что особенно в свете ливанской войны главы МИД арабских монархий Аравийского полуострова, Египта и Иордании просили продвинуть прямые палестино-израильские переговоры [11, с. 510].

Поскольку в основе палестинской политики Ирана лежит тезис о непризнании права Государства Израиль на существование, возможность достижения сторонами конфликта любых договоренностей рассматривается Тегераном как ослабление его позиций в регионе [26]. Более того, позиция в отношении Израиля составляет одну из идеологических основ нынешнего Ирана, что обуславливает и неизменность его подходов в отношении конфликта.

В этой связи резкая антиизраильская риторика М. Ахмадинежада, избранного в 2005 г. президентом Ирана после периода экономических реформ, стала одной из характеристик курса на укрепление идеологии исламской революции. Внешним проявлением такого курса стала радикализация действий на международной арене, направленная на достижение регионального лидерства и лидерства в исламском мире¹².

У Ирана оказались возможности влиять посредством ХАМАС на внутривнутрипалестинское и палестино-израильское урегулирование, посредством Хизбаллы и стратегического союза с Сирией – на остальные направления арабо-израильского конфликта [19].

Широко трактовавшаяся в регионе в качестве победы Хизбаллы ливанская война 2006 г., приход ХАМАС к власти в Газе в июне 2007 г. представляют собой этапы усиления влияния Ирана на конфликт. После этих событий палестино-израильское урегулирование стало приобретать в некоторой степени подчиненную роль по отношению к задаче противостояния Ирану и его сателлитам. В том чис-

¹² Сажин В. И. Иран и проблемы безопасности Ближнего и Среднего Востока. 26 дек. 2005 // Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.iimes.ru/?p=4061#more-4061> (дата обращения : 21.03.2018).

ле, для сплочения антииранской коалиции в конце 2006 г. при участии госсекретаря США К. Райс был запущен механизм встреч Э. Ольмерта и М. Аббаса, который привел к созыву конференции в Аннаполисе.

Концепция встреч Ольмерт – Аббас и поддержки Западного берега в пику Газе основывалась на стремлении достичь переговорных и экономических успехов, которые бы снизили привлекательность ХАМАС для жителей Сектора [11, с. 510, 582]. Обсуждение иракской и иранской тематики становилось важной не афишируемой темой проводимых с участием США саммитов по палестино-израильскому урегулированию.

Показательными стали сразу две попытки увязать продвижение на палестинском направлении с решением так называемой иранской ядерной проблемы. В августе 2009 г. идея ужесточения антииранских санкций в обмен на замораживание строительства в еврейских поселениях активно прорабатывалась в США [32]. Рассматривать иранский и палестинский вопросы в одном пакете в рамках попыток посредничества между Ираном и Западом пыталась Турция [25].

В условиях изначального отказа Дж. Буша-мл. рассматривать арабо-израильский конфликт в качестве ключевого для интересов США в регионе [28, с. 187–188] иранская тематика потеснила палестинский вопрос в шкале приоритетов не только Израиля [33]. По утверждению К. Райс, уже с января 2007 г. иранская угроза заслонила собой палестино-израильский конфликт и для умеренных арабских государств [11, с. 550].

Не удивительно, что по состоянию на март 2010 г. палестинский исследователь С. Валид не видел ни одной арабской страны среди региональных лидеров (Иран, Турция, Израиль) [21].

Обсуждение полученных результатов. Влияние регионального фактора на палестино-израильское урегулирование рассматривается в контексте представления о трех уровнях анализа международных отношений, разработанного создателем теории неореализма К. Уолтцем [34]. При анализе любого вопроса необходимы комплексный подход и изучение его на каждом из трех уровней: индивидуальный, уровень государства и уровень международной системы.

Исследования о воздействии внешних факторов посвящены в основном уровню международной системы и роли глобальных игро-

ков. В данной статье рассматривается уровень государства. Проводится сравнительный анализ влияния на урегулирование конфликта ключевых государств Ближнего Востока, которые заинтересованы в сохранении своих позиций в региональной системе (*defensive realism*) или стремятся к усилению своего влияния в регионе (*offensive realism*) [35].

Усиление влияния местных игроков на палестино-израильское урегулирование стало одним из проявлений повышения их самостоятельности и борьбы за региональное лидерство на фоне «снижения степени вовлеченности Соединенных Штатов в региональные дела» [2] и наметившегося «окончания американской эпохи» в регионе [1]:

заключенное под эгидой Саудовской Аравии Мекканское соглашение между ФАТХ и ХАМАС не только не было скоординировано с США, но и поставило под угрозу организованный К. Райс диалог Э. Ольмерта и М. Аббаса [28, с. 215–217];

американцы фактически отдали на откуп туркам посредничество между Сирией и Израилем [28, с. 210–213].

Выдвигая АМИ, оказывая помощь в реализации инициатив международных посредников, арабские страны **выступали участниками процесса урегулирования**.

При этом на фоне списанной в архив дорожной карты важным показателем перспективности регионального формата урегулирования служит тот факт, что АМИ и поныне сохраняет свою актуальность как официальное предложение ЛАГ¹³.

Статус палестино-израильского конфликта как составной части арабо-израильского противостояния predetermined роль арабов и как основных региональных участников усилий по регулированию, преимущественно в части ситуации вокруг Газы.

Турции в рамках коллективных действий по достижению перемирия между ХАМАС и Израилем удалось стать вспомогательным посредником по регулированию конфликта.

¹³ 15/04/2018. [عودية العربيه الامم لكة قمة العربيه الدول جامعة \(التيممات\) كسلو 15/04/2018 // ليجا العربيه الدول \[المرسوم\]. – URL : <http://www.lasportal.org/ar/summits/Documents/%D9%82%D8%B1%D8%A7%D8%B1%D8%A7%D8%AA%20%D9%85%D8%AC%D9%84%D8%B3%20%D8%AC%D8%A7%D9%85%D8%B9%D8%A9%20%D8%A7%D9%84%D8%AF%D9%88%D9%84%20%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A8%D9%8A%D8%A9%20%D8%AF.%D8%B9%2029.pdf> \(дата обращения : 11.08.2018\).](http://www.lasportal.org/ar/summits/Documents/%D9%82%D8%B1%D8%A7%D8%B1%D8%A7%D8%AA%20%D9%85%D8%AC%D9%84%D8%B3%20%D8%AC%D8%A7%D9%85%D8%B9%D8%A9%20%D8%A7%D9%84%D8%AF%D9%88%D9%84%20%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A8%D9%8A%D8%A9%20%D8%AF.%D8%B9%2029.pdf)

Инициативы Ирана по регулированию в Газе оставались за рамками практических усилий с учетом специфики его позиции в отношении Израиля.

Выводы. С учетом различной степени соприкосновения арабских и неарабских игроков с палестинской проблемой и их не совпадающих интересов невозможно выделить единое линейное воздействие регионального фактора на палестино-израильский конфликт.

Однако исследование показало, что конфликт не может быть урегулирован без учета разнонаправленного влияния на него со стороны ключевых стран региона.

Если АМИ укрепила предпосылки для его разрешения в рамках арабо-израильского урегулирования, то влияние Ирана создало мощные блокировки как для палестинского трека, так и для достижения арабо-израильского мира в целом.

Причем опосредованное влияние действий по укреплению мощи страны (ядерная программа) по своему эффекту было сопоставимо с целенаправленным воздействием на стороны конфликта. Значимость Турции как лидера общественных предпочтений подкреплялась возросшим удельным политическим и экономическим весом страны на Ближнем Востоке.

Однозначно важен позитивный вклад в мирный процесс, который внесли арабские страны. Усилия «арабской тройки» во многом стали импульсом для разработки дорожной карты. АМИ предложила Израилю перспективы мира и сотрудничества, которые стали недостающей региональной гарантией урегулирования. Действия по достижению межпалестинского примирения, сопровождаемые подталкиванием ХАМАС к шагам в направлении принятия условий «квартета», частично компенсировали неспособность глобальных игроков работать на формирование полноценного палестинского переговорщика.

О взаимодополняемости «квартета» и «арабской тройки» свидетельствует единый временной алгоритм разработки АМИ и дорожной карты (2002 г.), а также повторного выдвижения инициативы и попытки форсировать реализацию плана международных посредников (2007 г.).

Сравнительный анализ воздействия ключевых государств региона на конфликт выявил противоположные векторы развития как

их роли в палестино-израильском урегулировании, так и динамики такой активности:

- особая активизация Ирана (с 2005 г.) и Турции (с 2008 г.) на палестинском направлении совпала с отвлечением внимания умеренных арабов (по К. Райс, с начала 2007 г.) на иные проблемы, в том числе связанные с усилением в регионе того же Ирана;

- у арабов была востребована и повысилась роль умеренных государств, в то время как Иран изначально, а Турция в силу определенной трансформации нашли свою нишу преимущественно в радикальной части политического спектра;

- возрастание значимости неарабских игроков с характерной для них жесткой пропагандистской риторикой происходило на фоне снижения актуальности дорожной карты, ухода израильтян от четкого ответа на АМИ, негативного воздействия результатов политики Дж. Буша-мл. в регионе на авторитет «арабской тройки».

С учетом изложенного возрастание активности и влияния на конфликт не составлявших часть процесса урегулирования и не вовлеченных в соответствующие реальные усилия неарабских игроков стало региональным проявлением тупика в мирном процессе накануне «арабской весны».

Библиографические ссылки

1. Хаас Р. Новый Ближний Восток // Россия в глоб. политике. – 2006. – Т. 4. – № 6. – С. 8–19.
2. Высоцкий А. М. Ближний Восток: на пути к новому балансу сил? // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 7. – С. 10–14.
3. Косач Г. Г. Палестинское квазигосударство и ближневосточная политика // Вестн. МГИМО–Ун-та. – 2012. – № 1. – С. 136–143.
4. Podesh E. Israel and the Arab Peace Initiative, 2002–2014: a Plausible Missed Opportunity // Middle East Journal. – 2014. – Vol. 68, № 4. – P. 584–603.
5. Awad S. The Arab Quartet and the Arab Peace Initiative // Palestine-Israeli Journal. – 2007. – Vol. 14, № 4. – P. 31–33.
6. Walid S. The Arab Peace Initiative and the International Community : Concerted Efforts for Its Implementation // Palestine-Israeli Journal. – 2015. – Vol. 20, № 2–3. – P. 79–85.
7. Ben-Meir A. Reconciling the Arab Initiative with Israel's Core Requirements for Peace // International Journal on World Peace. – 2008. – Vol. XXV, № 4. – P. 75–113.
8. Bahgat G. The Arab Peace Initiative: an Assessment // Middle East Policy. – 2009. – Vol. XVI, № 1. – P. 33–39.
9. Muasher M. The Arab Center : the Promise of Moderation. – New Haven : Yale Univ. press, 2008. – 312 p.

10. 536 شهادتي . ال ناشر دار نهضة مصر قل قاهر 2013 عدد ال صد فحات -
 (Аль-Гейт. А. Мое свидетельство: египетская внешняя политика 2004–2011. – Каир : Дар Нахдагу Маср, 2013. – 536 с.)
11. *Rice C.* No Higher Honour. A Memoir of My Years in Washington. – New York : Broadway Paperbacks, 2011. – 765 p.
12. *Bahgat G.* Saudi Arabia and the Arab-Israeli Peace Process // Middle East Policy. – 2007. – Vol. XIV, № 3. – P. 49–59.
13. *Bahgat G.* Saudi Arabia and the Arab-Israeli Conflict in the Last Years of the Bush Presidency // Israel Affairs. – 2009. – Vol. 15, № 2. – P. 180–189.
14. *Kamrava M.* Mediation and Saudi Foreign Policy // The Foreign Policy Research Institute's quarterly journal of world affairs. – 2013. – Vol. 57, № 1. – P. 152–170.
15. *Косач Г. Г.* Саудовская Аравия в меняющемся мире // Свобод. мысль. – 2010. – № 2. – С. 41–54.
16. *Altunısık M., Cuhadar E.* Turkey's search for a third party role in Arab-Israeli conflicts : a neutral facilitator or a principal power mediator // Mediterranean Politics. – 2010. – Vol. 15, № 3. – P. 371–392.
17. *Aras B.* Turkey and the Palestinian Question // SETA Foundation for Political Economic and Social Research. – 2009. – № 27. – 11 p.
18. *Ertosun E.* Turkey and the Palestinian Question : the Shift of Roles in Foreign Policy // Digest of Middle East Studies. – 2016. – Vol. 26, № 1. – P. 203–219.
19. *Кулагина Л. М., Ахмедов В. М.* Иран на Ближнем Востоке: сотрудничество, соперничество, интересы // Современ. Иран. – 2010. – № 1. – С. 69–80.
20. *Баранов А. В.* Палестинский фронт исламской революции // Известия Саратовского университета. Сер. «Международ. отношения». – 2012. – Т. 12. – Вып. 1. – С. 88–94.
21. *Walid S.* The Iranian Factor in the Arab-Israeli Conflict // Palestine-Israeli Journal. – 2010. – Vol. 16, № 3–4. – P. 46–51.
22. *Сулейманов А. В.* Турция, Иран и палестинский вопрос // Восток. Афро-азиатские общества : история и современность. – 2012. – № 1. – С. 121–125.
23. *Bank A., Karadag R.* The «Ankara Moment» : the politics of Turkey's regional power in the Middle East, 2007–11 // Third World Quarterly. – 2013. – Vol. 34, № 2. – P. 287–304.
24. *Ульченко Н. Ю.* Новый путь Турции? // Миров. экономика и международ. отношения. – 2012. – № 6. – С. 90–101.
25. *Ülgül M.* Continuity or Change in Turkish Foreign Policy? Analyzing the Policy Fluctuations during the Justice and Development Party Era // Journal of Global Analysis. – 2017. – Vol. 7, № 1. – P. 59–81.
26. *Сажин В. И.* Иран, «Хезболла» и палестино-израильское урегулирование // Ближний Восток и современность : сб. ст. – М. : Ин-т Ближ. Востока, 2005. – Вып. 25. – С. 210–232.
27. *Леценя И. А.* Деятельность «ближневосточного квартета» по урегулированию палестино-израильского конфликта в рамках проекта «Дорожная карта» (2003–2008) // Вестн. МГИМО-Ун-та. 2016. – № 2. – С. 168–181.
28. *Kurtzer D. [et al.].* The Peace Puzzle : America's Quest for Arab-Israeli Peace, 1989–2011. – New York : Cornell Univ. Press, 2013. – P. 336.
29. *Леценя И. А.* Национальный аспект реализации «дорожной карты» палестино-израильского урегулирования // Международ. процессы. – 2018. – Т. 16, № 2 (в печ.).
30. *Arbell D.* The U.S. Turkey-Israel Triangle // Analysis Paper. The Center for Middle East Policy at Brookings. – 2014. – № 34. – 48 p.
31. *Falk R., Farer T.* Turkey's New Multilateralism : a Positive Diplomacy for the Twenty-First Century Global Governance // Review of Multilateralism and International Organizations. – 2013. – Vol. 19, № 3. – P. 353–376.

32. Крылов А. В., Федорченко А. В. Ближний Восток: перспективы развития региональной ситуации // *Мировая политика: старые проблемы и новые вызовы* / под ред. А. А. Орлова. – М. : ИМИ МГИМО, 2015. – Вып. 3 (13). – С. 56–83.
33. Королев А. В. Иранский фактор во внешней политике Израиля // *Азия и Африка сегодня*. – 2007. – № 3. – С. 30–34.
34. Waltz K. *Man, the State, and War: a Theoretical Analysis*. – New York : Columbia Univ. Press., 2001. – 263 p.
35. Mearsheimer J. *Structural Realism // International Relations Theories : Discipline and Diversity*. – 3rd ed. – Oxford : Oxford Univ. press, 2013. – P. 77–93.

Дата поступления статьи: 14.09.2018.

Образец цитирования: Лещеня И. А. Воздействие регионального фактора на палестино-израильское урегулирование (2002–2010 гг.) // *Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития* : сб. науч. ст. Минск, 2018. Вып. 6. С. 89–111.

Автор: Лещеня Игорь Александрович – соискатель кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета (Минск); e-mail: Ig-Leshchenya@yandex.ru.

**THE REGIONAL FACTOR IMPACT
ON THE PALESTINIAN-ISRAELI SETTLEMENT
(2002–2010)**

I. A. LESHCHENYA

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article is the first comprehensive study of the regional factor impact on the Palestinian-Israeli settlement in 2002–2010.

Taking into account the developments in the Middle East, the article specifies the influence of the key regional players in particular the Arab «troika» composed of Saudi Arabia, Egypt and Jordan, as well as Turkey and Iran on the conflict.

The period under review is marked by the attempts of the Middle East Quartet to implement its «Road map» for the settlement of the conflict. Such juncture of events allowed to make thorough analysis of the activities of the regional powers on the Palestinian issue. Their impact on the peacekeeping efforts of global players is assessed. The main features of implementation by the key states of the region of their

own initiatives and interests in the context of the struggle for leadership in the Middle East are explored.

The author singled out the complementary nature of the Quartet and the Arab «troika» acts. The internal and external incentives for the advancement and radicalization of the Palestinian policy of Turkey and Iran are outlined.

The article defines the role of the Arab states, Turkey and Iran in the settlement. The study reveals the opposite vectors of the impact of the Arab and non-Arab states on the conflict and substantiates the impossibility of reaching a settlement without taking into account their non-coinciding interests.

The author comes to the conclusion that the growing influence of non-Arab players on the conflict was a regional manifestation of the impasse in the peace process which was obvious the eve of the «Arab spring».

Key words: Palestinian-Israeli conflict; regional factor; Arab «troika»; Arab peace initiative; Saudi Arabia; Turkey; Iran.

References

1. Haass, R. (2006). Novyi Blizhnii Vostok [The new Middle East]. *Russia in Global Affairs*, 4(6), p. 8–19. (In Russ.).
2. Visotsky, A. M. (2011). Blizhnii Vostok: na puti k novomu balansu sil? [The Middle East On Its Way To The New Balance Of Power]. *Aziya i Afrika segodnya*, 7, p. 10–14. (In Russ.).
3. Kosach, G.G. (2012). Palestinskoe kvazigosudarstvo i blizhnevostochnaya politika [The Palestinian Quasi-State and Middle East Politics]. In: *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 1, 136–143. (In Russ.).
4. Podeh, E. (2014). Israel and the Arab Peace Initiative, 2002–2014: A Plausible Missed Opportunity. In: *Middle East Journal*, 68 (4), p. 584–603.
5. Awad, S. (2007). The Arab Quartet and the Arab Peace Initiative. In: *Palestine-Israeli Journal*, 14 (4), p. 31–33.
6. Walid, S. (2015). The Arab Peace Initiative and the International Community: Concerted Efforts for Its Implementation. In: *Palestine-Israeli Journal*, 20 (2–3), p.79–85.
7. Ben-Meir, A. (2008). Reconciling the Arab Initiative with Israel's Core Requirements for Peace. In: *International Journal on World Peace*, XXV (4), p. 75–113.
8. Bahgat, G. (2009). The Arab Peace Initiative: an Assessment. In: *Middle East Policy*, XVI (1), p. 33–39.
9. Muasher, M. (2008). *The Arab Center: the Promise of Moderation*. New Haven: Yale University press, 312 p.
10. Ahmed Aboul Gheit. (2013). *Shahadati: As-siyasa alharidjiya almasriya 2004 – 2011 [My Testimony: The Egyptian Foreign Policy 2004–2011]*. Cairo: *Dar Nahda Masr*, 536 p. (In Arab.).
11. Rice, C. (2011). *No Higher Honour. A Memoir of My Years in Washington*. New York: Broadway Paperbacks, 765 p.
12. Bahgat, G. (2007). Saudi Arabia and the Arab-Israeli Peace Process. In: *Middle East Policy*, XIV (3), p. 49–59.
13. Bahgat, G. (2009). Saudi Arabia and the Arab-Israeli Conflict in the Last Years of the Bush Presidency. In: *Israel Affairs*, 15 (2), p. 180–189.

14. Kamrava, M. (2013). Mediation and Saudi Foreign Policy. In: *The Foreign Policy Research Institute's quarterly journal of world affairs*, 57 (1), p. 152–170.
15. Kosach, G. G. (2010). Saudovskaya Araviya v menyayushchemsya mire. [Saudi Arabia in a changing world]. In: *Svobodnaya mysl'*, 2, p. 41–54. (In Russ.).
16. Altunısık, M., Cuhadar, E. (2010). Turkey's search for a third party role in Arab-Israeli conflicts: A neutral facilitator or a principal power mediator. In: *Mediterranean Politics*, 15 (3), p. 371–392.
17. Aras, B. (2009). Turkey and the Palestinian Question. SETA. In: *Foundation for Political Economic and Social Research*. Brief, 27. 11 p.
18. Ertosun, E. (2016). Turkey and the Palestinian Question: The Shift of Roles in Foreign Policy. In: *Digest of Middle East Studies (DOMES)*, 26 (1), p. 203–219.
19. Kulagina, L. M., Akhmedov, V. M. (2010). Iran na Blizhnem Vostoke: sotrudnichestvo, sopernichestvo, interesy [Iran in the Middle East: cooperation, rivalry, interests]. In: *Sovremennyi Iran*, 1, p. 69–80. (In Russ.).
20. Baranov, A. V. (2012). Palestinskii front islamskoi revolyutsii. [The Palestinian Front of the Islamic Revolution]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. International Relations*, 12(1), p. 88–94. (In Russ.).
21. Walid, S. (2010). The Iranian Factor in the Arab-Israeli Conflict. In: *Palestine-Israeli Journal*, 1, 16 (3–4), p. 46–51.
22. Suleimanov, A. V. (2012). Turtsiya, Iran i palestinskii vopros. [Turkey, Iran and the Palestinian question]. In: *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, 1, p. 121–125. (In Russ.).
23. Bank, A., Karadag, R. (2013). The 'Ankara Moment': the politics of Turkey's regional power in the Middle East, 2007–11. In: *Third World Quarterly*, 34 (2), p. 287–304.
24. Ul'chenko, N. Yu. (2012). Novyi put' Turtsii? [New Way of Turkey?] In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 6, p. 90–101. (In Russ.).
25. Ülgül, M. (2017). Continuity or Change in Turkish Foreign Policy? Analyzing the Policy Fluctuations during the Justice and Development Party Era. In: *Journal of Global Analysis*, 7(1), p. 59–81.
26. Sazhin, V. I. (2005). Iran, «Khezbollah» i palestino-izrail'skoe uregulirovanie. Blizhnii Vostok i sovremennost'. [Iran, Hezbollah and the Palestinian-Israeli settlement]. In: *The Middle East and the present. Collection of articles (issue twenty-fifth)* Moscow: Institute of the Middle East, p. 210–232. (In Russ.).
27. Leshchenya I. A. (2016). Deyatel'nost' «Blizhnevostochnogo kvarteta» po uregulirovaniyu palestino-izrail'skogo konflikta v ramkakh proekta «Dorozhnaya karta» (2003 – 2008). [Activities of the Middle East Quartet and its participants to achieve Israeli-Palestinian settlement within the Road Map project (2003 – 2008)]. In: *Vestnik MGIMO – Universiteta*, 2, p. 168–181. (In Russ.).
28. Kurtzer D. (et al.) (2013). *The Peace Puzzle: America's Quest for Arab-Israeli Peace, 1989–2011*. New York: Cornell University Press, 336 p.
29. Leshchenya I. A. (In press). Natsional'nyi aspekt realizatsii «Dorozhnoi karty» palestino-izrail'skogo uregulirovaniya [National aspect of implementation of the Road Map of the Palestinian – Israeli settlement]. In: *Mezhdunarodnye protsessy*, 16 (2). (In Russ.).
30. Arbell D. (2014). The U.S. – Turkey-Israel Triangle. The Center for Middle East Policy at Brookings. In: *Analysis Paper*, 3–4, 48 p.
31. Falk R., Farer T. (2013). Turkey's New Multilateralism: A Positive Diplomacy for the Twenty-First Century Global Governance. In: *Review of Multilateralism and International Organizations*, 19 (3), p. 353–376.
32. Krylov A. V., Fedorchenko A. V. (2015). Blizhnii Vostok: perspektivy razvitiya regional'noi situatsii. [The Regional Situation in the Middle East: Current State and Prospects for Development]. MGIMO University. Institute of International Studies. In: *World politics: old problems and new challenges. Yearbook*, 3 (13), p. 56–83. (In Russ.).

33. Korolev A.V. (2007). Iranskii faktor vo vneshnei politike Izrailya [The Iranian Factor in Israel's Foreign Policy]. In: *Aziya i Afrika segodnya*, 3, p. 30–34. (In Russ.).
34. Waltz, K. (2001). *Man, the State, and War: A Theoretical Analysis*. New York, Columbia University Press, 263 p.
35. Mearsheimer, J. (2013). Structural Realism. In: *International Relations Theories: Discipline and Diversity*. 3rd Ed. Ed. by T. Dunne, M. Kurki, S. Smith. Oxford, Oxford University press, p. 77–93.

Received: 14.09.2018.

For citations: Leshchenya, I.A. (2018). The regional factor impact on the Palestinian-Israeli settlement (2002–2010). In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 6, p. 89–111.

About author: Leshchenya Igor Aleksandrovich – applicant for Ph.D. degree at the Department of International Relations, Belarusian State University (Minsk); e-mail: Ig-Leshchenya@yandex.ru.